Генсовет осудил осуществляемую японскими промышленниками политику замораживания заработной платы и решил начать призвало японских трудящихся потребовать от правительства Хатояма выполнения своих предвыборных обещаний.

интересам местного населения и создают напряженное положение в этом районе.

Подобные ничем не оправданные действия власти, должны рассматриваться как крайне недружелюбный акт в отношении китайского народа.

Правда — 1955 — 15 марта — с. 4

1346

На родине Роберта Бёрнса

Когда попадаешь в края, связанные с жизнью и творчеством большого и любимого писателя, всегда кажется, что когда-то давно ты побывал уже здесь, что многое тебе тут знакомо. Нечто подобное ощутили мы, трое советских литераторов, приехавших в Шотландию для участия в Международном фестивале, посвященном памяти великого поэта Роберта Бёрнса.

Маленькое селение Алоуэй, лежащее меж пологих зеленых холмов в Юго-Западной Шотландии, уже давно стало местом паломничества. Здесь в приземистом, крытом соломой крестьянском домике, в крохотной горенке с маленьким окошком родился великий бард Шотландии. Поэзия Бёрнса, проникнутая духом свободы и мира, глубокой любви к простым труженикам, дорога всему прогрессивному человечеству.

Для шотландцев Бёрнс — больше, чем великий поэт. Этот земледелец, проливавший пот на чужой земле, до самой смерти не вырвавшийся из когтей злой нищеты и создавший жемчужины мировой поэзии, в какой-то степени стал символом гордого и непреклонного духа шотландского народа, живым воплощением его вековечной мечты о свободе и независимости. Бёрнс — знамя, под которым передовые люди Шотландии сплачиваются и сейчас. Недаром его стихи шотландские дети разучивают еще до того, как постигают грамоту, недаром его песни можно слышать всюду. Недаром в городах и селениях, так или иначе связанных с памятью поэта, давно уже существуют кружки любителей его стихов, а в крупных центрах работают бёрнсовские общества, объединяемые Бёрнсовской федерацией, центр которой находится в городе Эйр.

В январе этого года Бёрнсовская федерация организовала международный фестиваль памяти поэта. Он нашел горячий отклик далеко за пределами Шотландии. Из различных стран на фестиваль съехалось восемнадцать делегаций, в нем приняли участие представители двадцати двух народов. И нам — поэту и переводчику Бёрнса С. Маршаку, доктору филологических наук А. Елистратовой и мне — посчастливилось представлять на этом фестивале советских писателей. Мы прибыли в Эйр к началу фестиваля, в час, когда в старинном здании городской ратуши уже происходило торжественное открытие. Друзья, встречавшие нас на аэродроме, сказали, что вечернее радио уже сообщило о прибытии советской делегации, и прямо с самолета, едва успев завезти в отель свои вещи, мы явились на торжество.

В Шотландии давно и широко известно, как выразилась одна шотландская газета, что «Советский Союз является чемпионом по числу и качеству изданий произведений Бёрнса». Лучшие наши поэты по традиции, начатой еще Лермонтовым и продолженной М. Михайловым и В. Курочкиным, переводили на русский язык и языки братских народов его стихи. Гость фестиваля С. Маршак, по общему признанию в Шотландии, является одним из тех счастливых поэтов-переводчиков, талант которых позволяет передавать на другой язык не только строй, но и самый аромат бёрнсовской поэзии.

— Слово имеют представители страны, где нашего Бёрнса знают и любят не меньше, чем здесь, у него дома, — сказал, предоставляя нам слово, президент Бёрнсовской федерации А. Уилсон Бойл и добавил: — Я не буду называть эту страну. Господа, присутствующие здесь, знают, где именно нашего Бёрнса любят так же, как в Шотландии.

И все участники фестиваля, все иностранные гости, стоя и рукоплеща, приветствовали советских людей, посланцев страны, где любят, ценят и уважают все лучшее, что создала мировая культура.

Участники фестиваля за десять дней объехали все места, связанные с памятью поэта, осмотрели несколько мемориальных музеев и квартир, участвовали в митингах, посвященных Бёрнсу, посетили торжественные приемы, организованные в честь фестиваля в ратушах Эйра, Килмарнока, Дамфриса, Глазго, Эдинбурга, побывали в мавзолее, где покоится прах поэта.

Советские делегаты говорили об исключительной популярности Бёрнса в нашей стране, о том, что великие идеи любви к труженикам, идеи свободы, мира и дружбы народов, которыми освещено все творчество поэта, находят отклик в сердцах многих людей. Наши слова о мирной политике Советского Союза и нашем желании расширять и укреплять культурные связи со всеми народами находили в любой аудитории самый теплый отклик.

Большинство шотландских газет особенно подчеркивало пребывание советской делегации. Когда в Эйре и Эдинбурге мы, выполняя поручение Союза писателей, возложили к подножию памятников поэта венки с надписью «Роберту Бёрнсу — певцу свободы, мира и дружбы народов — от советских писателей», они были не раз воспроизведены на фотографиях.

Делегация посетила места, связанные с памятью поэта. Она видела крохотную комнатку и нишу в стене, где родился Бёрнс, видела другую, маленькую комнату и деревянную, покрытую тощим, как блин, тюфяком, кровать, на которой навеки закрылись его глаза.

Гости ходили по полям, которые он пахал, по чужим, принадлежащим и сейчас лэнд-лорду полям, которые молодой Бёрнс любил, как кусок милой ему родины, и думали, что где-то здесь, может быть, вот под тем старым дубом или у этой каменистой межи, написал он свое обращение к гордой и прекрасной босоногой девушке, прошедшей мимо, к яркому цветку, который он примял своим плугом...

Мы спускались в овраг, где поэт в последний раз простоял всю ночь с юной девушкой Мэри, ставшей потом любимым образом его произведений, сидели за деревянным столиком в старой таверне «Пузи Нэнси», где, как говорят, он подсмотрел сцены для самого острого своего произведения «Веселые нищие» — этой боевой кантаты, смелого вызова богачам и вельможам, которых он презирал и ненавидел всей своей страстной душой.

Все, что связано с памятью поэта, собрано, бережно хранится, и — что особенно примечательно — хранителем всего этого является сам народ. Бессменным куратором музея в Алоуэй является один из лучших знатоков поэта — Мак-Минн, сын шахтера, сам в прошлом наборщик.

В сельском музее, который тоже содержится на фермерские пожертвования, нас встретил маленький человек в заплатанном, но тщательно выутюженном пиджаке.

Он очень интересно рассказывал о том, как вот в этой комнате, где все: и закопченный камин, и висячая полочка с книгами, и дешевой столярной работы стол и скамьи — сохраняется со времен Бёрнса и его друга — поэта, фермера Давида Силлара. Он читал стихи обоих поэтов, цитируя их на память, и тут же глубоко и остроумно комментировал их. Когда мы, прощаясь, жали друг другу руку, я обратил внимание, что рука у куратора музея сильная, а ладонь жесткая.

— Простите, работа в музее — ваше постоянное занятие?

— Что вы! Как бы я смог содержать семью? Я рабочий-горняк. Меня зовут Джордж Уилс, я работаю в шахте.

Эту всенародную любовь к своему поэту, глашатаю свободы и независимости Шотландии, нельзя было наблюдать без волнения. Мы слушали произведения Бёрнса в исполнении артистического коллектива певцов «Солтайра» и женского хора города Глазго, мы видели в Эдинбурге танцевальный коллектив, превосходно исполнявший старые шотландские танцы, которые так любил поэт. Но не меньшее впечатление оставляли у нас бёрнсовские песни, исполненные в два или три голоса у старенького камина в рыбачьей хижине или домике горняка, или бёрнсовские стихи, которые вдруг принимался декламировать случайный попутчик.

То, что мы приехали из страны, где действительно знают и любят Бёрнса, раскрывало перед нами сердца шотландцев самых различных социальных групп и политических убеждений, обеспечивало нам такой сердечный, теплый прием.

Б. ПОЛЕВОЙ.

Москва Д — 47 Ленинградское шоссе улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочного бюро — Д 1-73-86; Партийной жизни — Д 1-52-48; Пропаганды марксистско-ленинской теории